

ДАРВАЗА (ВОРОТА)

Наиболее ожесточенным и кровопролитным боем, в котором мне пришлось принять участие в Афганистане, я считаю бой с засадой душманов в ущелье Дарваза (Ворота) в 6-8 километрах по трассе от кишлака Хинджан в сторону перевала Саланг.

Случилось это 23 апреля 1984 года. За несколько дней до этого командир дивизии поставил мне задачу принять участие в формировании оперативной группы, создаваемой для усиления охраны и обороны туннеля Саланг в зоне ответственности 108 мсд.

Начиналась очередная, седьмая по счету, Панджшерская операция и командование 40 А, зная по предыдущим операциям, какое значение имеет этот туннель и сколько неприятностей нам могут сделать там «духи», решило подстраховаться.

От нашей дивизии туда высылалась опергруппа в составе первого мотострелкового батальона 149 гв. мсп в полном составе, артиллерийской батареи 122-мм гаубиц артполка, саперного взвода от 541 инженерно-саперного батальона. Для управления и связи нам выделили БТР Р-145, для полной автономности действий мы имели до полутора десятков грузовых машин с горючим, боеприпасами, продовольствием. Всего получилось около 60 единиц техники.

Возглавлял все это начальник штаба 149 гв. мсп майор Бабенко. Я же был назначен комдивом в качестве представителя штаба дивизии для координации действий со 108 мсд.

Задача была серьезной и ответственной. Надо было выдвинуться в предгорья хребта Гиндукуш в район кишлака Хинджан и, сосредоточившись там как на основной базе, действовать в различных направлениях.

Все мы сделали как надо, к установленному времени, 16.00 22.04. прибыли в Хинджан (Чаугани), вышли на связь с КП 108 мсд и с ходу получили задачу: завтра с утра выдвинуться к перевалу Саланг и «почистить» несколько прилегающих к дороге кишлаков.

Пока Бабенко принимал решение на боевые действия и ставил задачи командирам, я с переводчиком старшим лейтенантом Якубовым пошли в кишлак, чтобы встретиться с командиром местной оперативно-агентурной группы (ОАГр) 40 А, для уточнения обстановки.

Чаугани, небольшой кишлак, славившийся своим дровяным базаром. Само его название и есть — дровяной базар. В Афганистане отношение к дереву особое: все, что мало-мальски прямое — идет на строительные материалы, а остальное — на дрова. Причем дрова идут на вес. На здоровенных безменах на одну чашку кладут дрова, на другую гири или камни, не знаю уж точно цену этих дров, но не дешево. Топить печь дровами мог только зажиточный человек, средний афганец топит печи соломой, всякими ветками, кизьяками.

Перед выходом в штабе дивизии меня проинформировали о местонахождении ОАГр, и я их без труда нашел. Встретили меня естественно настороженно, по легенде они были вообще не военными, а не-то метеорологами, не-то вообще «ботаниками». Ну, я представился, передал им приветы от их коллег в Кундузе, мы поговорили об общих знакомых и своих начальниках и недоверие исчезло.

Агентурщики, как мы их называли, оказались гостеприимными, общительными людьми, быстро собрали на стол, плов и шашлык всегда есть в чайхане рядом — короче, через полчаса мы уже плотно «врастали» в оперативную обстановку.

В этом районе действовала крупная банда главаря по имени Суфи Паянда. Общая численность где-то 250-300 человек, в открытые бои не ввязывались, помногу не собирались, больше действовали мелкими засадами и ночными обстрелами

«Умельцы» за работой

органов власти. Несколько раз пытались обстрелять расположение мсб 177 мсп, стоявшего на окраине кишлака, но оттуда отвечали из минометов и танков, страдали местные жители, поэтому под их давлением «духи» практически отказались от этого.

А вот минирование дорог, так это в полной мере. Причем подальше от гарнизона, где-нибудь в неожиданном месте. На это они были большие мастера.

Что интересно, главарь Суфи Паянда категорически запретил диверсии на трубопроводе, оказывается, труба лежала на его землях около Чаугани, а любая диверсия вызывала разлив керосина на большие площади. Понятно, что керосин на несколько лет делает эту землю бесплодной. Нескольких крестьян, пробивших трубопровод он приказал жестоко выпороть и предупредил, что в последующем будет отрезать головы. Так что данный участок трубопровода можно было вообще не охранять. В целом, обстановка до сих пор была относительно спокойной.

Однако теперь в связи с начавшейся нашей операцией в Панджшере, а это было в 40-50 км от нас, правда, по другую сторону хребта Гиндукуш, обстановка стала накаляться.

Главарь ИОА (Исламское общество Афганистана – одна из 7 крупных контрреволюционных партий) Ахмад-Шах, по

кликке «Масуд» (Счастливчик), поставил задачу местным бандитам на блокирование дороги и туннеля Саланг с целью недопущения подхода войск с севера, в том числе и из СССР к Панджшеру.

Правда, Суфи Паянда не особо рвался в бой, т.к., считая себя полевым командиром не меньшего ранга, чем Масуд, он беспрекословное выполнение его приказов видел для себя унижительным. Кроме того, переходить к активным действиям — это вызывать на себя противодействие советских войск, пусть они лучше ослабляют Масуда.

Решив все вопросы и договорившись о взаимодействии мы вернулись в расположение наших войск. Поговорил с начальником разведки батальона (была такая должность в войсках 40 А), стоявшего в Чаугани. Фамилия его была Фабричнов, редкая фамилия, такую я встречал всего один раз в жизни — у начальника штаба 91 мсд в Чистых Ключах (Шелехове), где служил в 1975–1976 гг. Правильно, оказалось, что это был один из его сыновей, которых я видел еще детьми.

Тем временем состав нашей опергруппы немного увеличился. К нам присоединился командир саперной роты старший лейтенант Ю. К. Смирнов, возвращавшийся с взводом из Джабаль-Уссараджа в часть. Случайно увидев своего командира взвода и солдат, он узнал от них, что они прикомандированы к нам. Нашел меня и попросил включить его и взвод, который был вместе с ним, в состав опергруппы, чтобы не разрывать роту.

Нас это вполне устраивало, т.к. предстояли действия на минированной местности и саперы, да еще с собакой, не были лишними. Выйдя по радио на КП нашей дивизии, я переговорил об этом с начальником инженерной службы дивизии подполковником Н. Сорокиным, он не возражал. Таким образом, у нас стало 2 офицера-сапера, 3 БТР, 2 неполных взвода (19 человек) и одна собака.

Поздно вечером я еще раз вышел на КП 108 мсд, сообщил полученные от ОАГр, разведданные, сделав вывод, что на дорогу могут быть высланы диверсионные группы, причем не местные, а из Панджшера.

От них получил подтверждение боевой задачи и бесплатные советы: во-первых, не трусить, во-вторых, поменьше слушать всяких-разных. Из чего сделал вывод, что командование 108 мсд с оперативной разведкой не дружит.

Утром, в 8.00 начали выдвижение. Артиллерию и тыл оставили в гарнизоне за ненадобностью, однако, я настоял на том, чтобы артиллеристы развернули орудия на огневых позициях, подготовили данные для стрельбы и были готовы поддержать нас до рубежа максимальной дальности. Оказалось потом — как в воду смотрел.

В последний момент перед выездом ко мне подошел знакомый афганец, офицер ХАД (госбезопасности), и попросил взять в колонну их машину ГАЗ-69 и трех человек. Они ехали в Кабул и ждали какой-нибудь колонны, чтобы к ним присоединиться. Я поставил их в голову колонны вслед за саперами.

Порядок построения колонны был следующим: три БТР-70 с саперами, афганцы на «газике», командир 1мсб майор Власов с двумя БМП, я с Бабенко и Фабричным на Р-145, далее мотострелковые роты и минометная батарея.

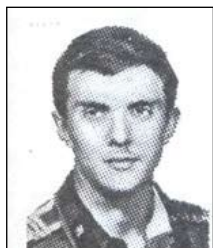
Голова колонны вошла в ущелье Дарваза (ворота), смотрю: вокруг горелые машины, топливозаправщики, разбитые БТР. «Что это?» — спрашиваю Фабричного. «здесь в прошлом месяце колонну сожгли», — отвечает он.

Только он это сказал, вдруг впереди началась такая пальба, что создалось впечатление, будто стреляют одновременно десятки автоматов и пулеметов.

Командир батальона докладывает, что они подверглись очень сильному обстрелу с правой по ходу движения стороны.

Позже я узнал, что саперы на 3-х БТР оторвались вперед от колонны метров на 200–300. Прекрасное весеннее утро, все вокруг зелено. Солдаты все сидят наверху на броне и болтают вместо того, чтобы внимательно смотреть по сторонам.

А вот афганцы, все опытные вояки, сняли тент с машины и ехали, оглядывая придорожную зелень. Они-то и заметили гранатометчика, сидевшего в кустах метрах в 40 от дороги. Немедленно открыв огонь, они убили его и начали стрелять по всем кустам.

Старший лейтенант
Ю. К. Смирнов,
командир роты
541 исб

Увидя, что внезапного нападения не получилось, вся засада (их было человек 50) открыли ураганный огонь. Саперы, услышав сзади стрельбу, интуитивно дали по газам и влетели в самый центр засады. По ним открыли автоматный и пулеметный огонь с 50–100 метров, причем пулеметы стреляли бронебойно-зажигательными пулями, и БТРы были прошиты очередями насквозь, как на швейной машине. Находящиеся внутри были так же поражены, как и сидевшие снаружи.

Старший лейтенант
А. В. Сорокин,
командир
взвода 541 исб

Водители двух БТР были убиты на месте, командир роты старший лейтенант Смирнов, находившийся в головном БТР, был ранен, командир взвода А. В. Сорокин убит. Все, сидевшие на броне: упавшие убитыми или ранеными, и те, кто спрыгнул в придорожную канаву, — все оказались под прицельным огнем душманов.

Засада располагалась несколькими ярусами: первый — около дороги — в 30–50 метрах от нее в придорожных кустах, второй — выше по склону метров на 50 и третий — еще на 50 метров выше в подготовленных окопах, которые они отрыли ночью. Поэтому лежавшие в канавах были у них как на ладони, и они были все убиты или ранены. Раненый водитель последнего БТРа все же смог подъехать к первому, и они перегрузили раненого командира роты в свою машину. Видя, что вперед пробиться невозможно, водитель начал разворачивать БТР, и тут «духи» ударили по нему из второго гранатомета.

С такого расстояния промахнуться было невозможно, кроме того, от взрыва гранаты детонировал 100 кг ящик с тротилом, лежавший в десантном отделении и БТР разлетелся, в полном смысле слова, на куски.

Вот ведь какая судьба была у Смирнова: случайно встретил своего взводного, сам попросился на операцию, был ранен в своем БТР, а другой БТР, на котором его пытались вывезти из боя, подбили из РПГ, но и тогда он мог бы остаться живым, а тут этот ящик с взрывчаткой. Вот и не верь потом в судьбу!

Что было дальше? А дальше, вижу, что Бабенко в полном ступоре. Стоит у командно-штабной машины в шлемофоне и слушает эфир. Кругом пули свистят, а он как замороженный стоит и никаких команд не отдает.

Я не осуждаю его, прибыл он в Афганистан месяц назад и ничего подобного конечно не видел. Я же служил здесь 15 месяцев и в подобных ситуациях бывал не раз. Здесь в таких случаях первое, что надо делать — это командовать, чтобы солдаты слышали твой голос. Можешь крыть матом, орать — только не молчи, иначе будет не бой, а избиение младенцев.

Второе — определи, откуда стреляют, это только в первую минуту кажется, что отовсюду. Вызывай огонь артиллерии, вертолеты — ты не один, полно сил и средств,

готовых тебе помочь, надо только поставить им задачу. Короче, вижу, что Бабенко учить уже некогда, надо самому исправлять положение.

Вышел по радио на КП 108 дивизии, доложил обстановку. Потребовал вертолеты для нанесения ударов. Поставил задачу командиру артбатареи, которую мы заблаговременно развернули, на открытие огня, дал цели. Командиру батальона приказал развернуть минометную батарею и открыть огонь. Вызвал танковый взвод из гарнизона Чаугани и командира батальона 177 мсп, ответственного за этот участок маршрута.

Через минут 10–15 открыли огонь артиллерия и минометы, через 40 минут прилетели вертолеты и нанесли удар по засаде, подошли три танка, их вывели на прямую наводку и они тоже начали стрелять по «духам».

Под огневым прикрытием начали собирать убитых и раненых, эвакуировать подбитую технику. Этим мы занимались почти до 14.00. Периодически прилетали вертолеты, эвакуировали убитых и раненых. Выслали по горам одну роту в пешем порядке, они окружили место засады, прочесали. Никого уже не нашли, с началом ударов «духи» отошли. Потери у них были, как я потом узнал, 5–6 человек убитыми из первого яруса засады и несколько раненых, но на месте боя не нашли никого.

Наши же потери составили 17 убитых, в том числе 2 офицера, около 30 раненых, уничтожен один БТР, повреждены два БТР и одна БМП.

Погибли в основном саперы, попавшие под главный удар засады: 13 человек из 21. Оба убитых офицера были саперами. Из мотострелков погибло 4 человека при эвакуации раненых и убитых саперов. Особо тяжелых раненых не было, все они выздоровели впоследствии.

Высокий процент убитых (почти 50% от потерь), объясняется внезапностью нападения и малой дальностью ведения огня из засады: почти все погибшие были убиты в первые минуты боя.

Я с большой благодарностью вспоминаю афганцев, вовремя обнаруживших засаду и по сути дела предотвративших разгром нашей колонны. Ведь, по замыслу душманов, колонна, втянувшаяся в ущелье Дарваза, должна быть остановлена двумя ударными группами с гранатометами в начале и конце ущелья. Сначала остановить «голову», потом ударить по «хвосту».

Так как местность не позволяла колонне развернуться (дорога в насыпи) — огонь по всей колонне из РПГ, стрелкового оружия и атака силами первого яруса засады. Взять брошенное оружие, боеприпасы, пленных и быстро отойти под прикрытием огня второго и третьего ярусов засады.

Я, конечно, не допускаю того, чтобы «духи» могли полностью разгромить нашу колонну, все-таки у нас было более 20 БМП, но потери могли быть большими раза в 4–5.

Кстати, когда эвакуировали подбитые БТР саперов и открыли люки, из одного из них выпрыгнула их служебная минно-розыскная собака, бывшая вместе с командиром роты в первой машине. Она лежала тихо на днище машины, пока ее не эвакуировали с места боя. На ней не было ни одной царапины, а командир роты, которого перенесли в другой БТР, погиб.

Побитые, в полном смысле этого слова, к вечеру мы вернулись в гарнизон. На душе было так гадко. Насколько утром с таким энтузиазмом мы отправлялись на боевые действия, теперь все были подавлены и отводили глаза друг от друга, как будто были виноваты в том, что остались живы.

Ночь проспал крепко, ничего не снилось. Видимо настолько физически и психологически устал, что просто «вырубился».

А утром 24.04 прилетел на вертолете командир дивизии генерал Шаповалов. Смотрит мимо, руку не подает.

«Как же ты, Кузьмин, саперов угробил, а я на тебя надеялся» — говорит мне. Ну, а мне чего оправдываться, понимаю, что кому-то отвечать придется, вопрос серьезный, можно и под военный трибунал угодить. Говорю, разбирайтесь, виноватым считаю себя только в том, что не погиб. А если найдете, что еще в чем-то виноват, судите, любое наказание приму как должное.

Буквально еще через час прилетает Член Военного совета (ЧВС) армии генерал-майор Ремез. Приказал собрать всех офицеров нашей опергруппы, давай разбираться. Его послал командующий армией генерал-лейтенант Л. Е. Генералов с задачей найти виновных в таких больших потерях, ну, а если не найдет — то назначить таковых.

Естественно, что основные вопросы были к майору Бабенко, командиру опергруппы. А его опять «замкнуло», то ли растерялся, то ли так ничего не понял, что и как произошло. Стоит, молчит. Смотрю, генерал гнет к тому, что все растерялись: командиры не командовали, солдаты не обучены, бегали как зайцы — вот и результат.

Я не смог больше молчать. Встаю, представляюсь, докладываю, что и как было, какие меры были приняты — все по времени, это проверить легко.

Смотрю, Ремез со своими вопросами уже потихоньку полностью переключился на меня: как это получилось, что колонна, в которой ехал сам начальник разведки дивизии, попала в засаду? Как будто присутствие начальника разведки уже само по себе исключает это. «А ну-ка, доложите, как вы организовали разведку на марше? Дайте мне Боевой Устав».

Принесли ему документ — «Наставление по обеспечению боевых действий Сухопутных войск. Часть 1 «Разведка» и начал он носом меня туда тыкать в раздел «Разведка на марше и во встречном бою». «Где разведывательные дозоры, где походное охранение? Да вы преступник!» Я пытаюсь ему объяснить, но куда там.

Вижу — виновный найден! Терять мне уже было нечего, думаю, под суд меня едва ли отдадут, т.к. нет в моих действиях состава преступления: из боя я не выходил, боем управлял, а вот с должности видать полечу. Я говорю: «Мы совершали марш по охраняемому маршруту и разведку я вести не мог. 177 мсп выполняет боевую задачу, охраняя этот маршрут. Почему вы не спросите у них, почему они свою задачу не выполнили? Почему командование 108 дивизии не дало мне для сопровождения вертолеты, которые я просил? Почему, когда вечером я доложил разведданные о том, что на трассе могут действовать отряды из Панджшера, от этого отмахнулись и никаких мер не приняли?»

А ЧВС опять за Устав хватается, смотрю на него и вдруг осознаю: мы люди с разных планет, он даже не понимает, о чем я говорю. У него одна задача — четко доложить командующему, кто конкретно виноват, и все!

Ведь если будет много виновников, то тяжело будет отвечать перед вышестоящими инстанциями, вроде бы уже и часть вины лежит на командовании армии. Поэтому найти одного или нескольких конкретных преступно-нерадивых офицеров было главной его задачей.

Мысленно выругал себя за то, что опять влез туда, куда не спрашивали. Молчал бы как Бабенко, может и полегче бы обошлось. А теперь буду главным виновником.

Улетел генерал, на следующий день шифротелеграмма командующего 40 А. Там подробно расписано, кто виноват и что привело к подобному... В приказной части: «начальника разведки 201 мсд... и командира 1 мсб 149 мсп... от должности отстранить и назначить с понижением. Начальника штаба 149 мсп ввиду непродолжительного пребывания в должности, предупредить о неполном служебном соответствии. Заместителю командира 108 мсд поставить на вид». Мол, лучше дорогу охранять надо!

Я, в общем-то, зная нашу армейскую систему, другого и не ожидал. Как всегда, после сильного стресса наступила

апатия. Думаю, хорошо еще, что хоть под суд не отдадут. Служить в Афганистане мне еще оставалось больше полугода, куда бы меня ни определили — хуже не будет. Ведь за эти полтора года я участвовал в 6 вертолетных десантах, когда высадка проходила под огнем душманов, а эта засада, в которую мы попали в Дарвазе, была для меня уже третьей по счету.

А сколько раз был под обстрелами, когда пули крошили рядом камни или срезали ветки над головой, или полеты на бомбоштурмовые удары, когда мимо пролетали трассирующие пули зенитных пулеметов, — я давно не считал.

Думаю, ордена и звезды с меня не снимут, назначат, скорее всего, начальником разведки полка или бригады, а если в Союз отправят в Забайкалье или на Дальний Восток — еще лучше. Я там уже был, может и отсюда живым вернуться.

Вот с такими невеселыми мыслями пошел к командиру дивизии, спрашиваю, — кому сдавать должность и чем мне дальше заниматься? Он мне говорит: «Продолжай исполнять должность, Что касается исполнения приказа командующего, то это приказ для меня. Я разберусь, кто виноват. Ты же завтра вылетаешь в Панджшер, принимай командование разведбатальоном, так как там все командование вышло из строя».

Действительно, командир батальона подполковник Тихонов месяц назад сломал ногу и мог командовать только с БТР, замполит капитан Манукин находился в госпитале после ранения, всеми делами рулил начальник штаба майор Терещенко, но он простудился в горах и с высокой температурой был эвакуирован в медсанбат.

Так что на следующий день пришлось лететь в Панджшер. Но это другая уже история, я расскажу об этом отдельно и подробнее.

Кстати сказать, через неделю, 30 апреля в ущелье Хазара (Панджшер), попал в засаду 1 батальон 682 мотост-

релкового полка 108 мсд (только недавно переформированного из 285 танкового полка), который потерял убитыми и ранеными почти половину личного состава (105 человек, в том числе убитыми 59). Так что наши потери уже не были самыми большими и «пальму первенства» в 40 А мы держали очень недолго.

С генералом же Ремезом судьба меня сводила еще несколько раз. Первый раз я встретил его в Одессе в 1987 году, когда служил там в разведуправлении штаба округа. Он был замом ЧВС ставки Юго-Западного направления и приехал к нам на командно-штабные учения. На строевом смотре все мы были в полевой форме, и он обратил внимание на мои орденские планки. «Вы, наверное, служили в Афганистане? Мне знакомо ваше лицо». Я ответил, что служил и мы с ним там встречались. Он уже и не помнил, где мы встречались и по какому поводу. Я же не стал вдаваться в подробности нашей встречи в Чаугани. После этого с ним встречались еще несколько раз, здоровались уже как знакомые и он теперь, наверняка, не мог вспомнить, почему ему знакомо мое лицо.

Чтобы закончить эту историю, скажу, что с должности меня так и не сняли. Командир дивизии сдержал свое слово. Когда через пару недель у нас был начальник штаба ТуркВО генерал-полковник Кривошеев, он обратился к нему по моему вопросу, все объяснил и дал мне отличную характеристику.

Кривошеев позвонил командующему 40А, переговорил с ним, в результате чего никто приказ командующего не отменил, но и никто не потребовал его исполнения. Так закончилась эта история.